

ЕПИСКОП ЛЬВОВСКИЙ ГЕДЕОН (БАЛАБАН) И ПОДГОТОВКА
БРЕСТСКОЙ УНИИ 1596 г.

При изучении обстоятельств подготовки Брестской унии 1596 г. по-прежнему остается не до конца проясненным вопрос о мотивации действий епископа Львовского и Каменец-Подольского Гедеона (Балабана), который первоначально являлся активным сторонником унии, но затем решительно порвал с ее организаторами и в дальнейшем последовательно выступал как ее противник.

Епископ Гедеон (в миру Григорий Маркович Балабан; 1530 г. — 10 февраля 1607 г.), выходец из галицкой шляхетской семьи, сын львовского епископа Арсения (Марка Балабана), возглавил Львовскую епархию после 1575 г.¹ Гедеон отличался вспыльчивым и противоречивым характером. В отличие от многих западнорусских епископов второй половины XVI в., которые почти не уделяли внимания церковным делам и вели образ жизни, свойственный светским феодалам, епископ Гедеон все же заботился о своей епархии.

В частности, это проявилось, когда 24–25 декабря 1583 г., на Рождество, Львовский римско-католический архиепископ Ян-Димитр Соликовский пытался принудить православных верующих Галиции перейти в литургической практике на Григорианский календарь. По приказу Соликовского вооруженная стража в канун православного праздника Рождества Христова обошла православные храмы Львова, закрыв и опечатав их. Приказ латинского прелата был выполнен в крайне грубой форме: во многих храмах были прерваны богослужения, было применено насилие в отношении православных верующих. Происшествие вызвало бурные протесты и волнения православного населения Львова. Гедеон (Балабан) в феврале 1584 г. внес протестации в суды Львова и Галича по поводу действий Соликовского. В итоге польский король Стефан Баторий, который первоначально пытался ввести Григорианский календарь на всей территории Речи Посполитой, был вынужден пойти на уступки и разрешить православным русинам и армянам сохранить в употреблении «старый стиль»². Епископ Гедеон проводил во Львове епархиальные соборы в 1587, 1591 и 1593 г., старался укрепить каноническую дисциплину в своей епархии. В частности, во время пребывания во Львове Патриарха Антиохийского Иоакима VI в 1586 г. Гедеон поддержал его намерение извергнуть из сана священников-двоеженцев.

В то же время Гедеон (Балабан) нередко совершал поступки, вполне типичные для большинства епископов Киевской митрополии той эпохи, чей духовно-нравственный уровень был невысок. Так, 8 августа 1585 г. по приказу епископа Львовского брат архиерея Василий Балабан во главе вооруженного отряда напал на Жидичинский Николаевский монастырь, откуда был изгнан настоятель обители епископ Меглинский грек Феофан. 9 августа 1585 г. Феофан принес жалобу на действия Гедеона, внесенную в городские книги Луцка³. Тем не менее Гедеон добился того, что 6 сентября 1586 г. король Сигизмунд III своим указом передал в его владение Жидичинский монастырь⁴, и 5 декабря епископ Львовский официально вступил во владение обителью⁵. Позднее, в 1588 г., Патриарх Константинопольский Иеремия II угрожал Гедеону отлучением от церкви в случае, если он не возвратит обитель епископу Феофану⁶. Но архиерей продолжал распоряжаться монастырем как своей собственностью,

¹ Архив Юго-Западной России (далее — Архив ЮЗР). Киев, 1904. Ч. 1. Т. X. № XXX. С. 52–54.

² *Зубрицький Д.* Хроніка міста Львова. Львів, 2006. С. 188–189.

³ Архив ЮЗР. Киев, 1859. Ч. 1. Т. I. № 42. С. 193–195.

⁴ Там же. № 50. С. 221–223.

⁵ Там же. № 53. С. 232–234.

⁶ Акты, относящиеся к истории Западной России (далее — АЗР). СПб., 1851. Т. IV. № 5. С. 6–7.

несмотря на то, что он относился к Луцкой епархии и находился под коллективным патронатом вольнской шляхты. По просьбе Гедеона 23 июля 1589 г. польский король Сигизмунд III разрешил передать Жидичинский монастырь племяннику епископа — Григорию Балабану⁷.

Духовно-нравственный кризис в среде высшего духовенства Киевской митрополии стал причиной появления в Западной Руси феномена православных братств — мирянских организаций, которые во второй половине XVI в. стали проявлять повышенную активность в церковной жизни наряду с наиболее влиятельными и отличавшимися развитым религиозным сознанием магнатами. В условиях, когда духовно слабая иерархия не заботилась должным образом о развитии церковной жизни, именно братства и магнаты приняли на себя попечение о различных сферах жизни Киевской митрополии, которое не исполняли епископы. Прежде всего, это касалось развития издательского и школьного дела и социального служения. Развитие активности мирян в православной церкви Западной Руси привело к значительному оживлению церковной жизни и подъему православной культуры: развивались духовная литература и книгопечатание, создавались крупные братские и магнатские школы. Такого рода деятельность представлялась православным мирянам особенно необходимой в условиях широкой пропаганды протестантизма в Польско-Литовском государстве и последующего развития Контрреформации.

Однако развитие мирянской активности в православной церкви Западной Руси закономерно влекло за собой возникновение конфликта между высшим духовенством и мирянами, прежде всего — братствами, в деятельности которых епископы видели покушение на свои канонические права и даже влияние идей протестантизма. Между тем нельзя утверждать, что православные братства Речи Посполитой выходили в своих действиях за рамки канонов православной церкви. Не желая зависеть от нравственно недостойных иерархов, братства, тем не менее, не доходили в своем противостоянии с ними до отрицания канонического строя православной церкви и отвержения иерархии как таковой. В качестве альтернативы епископской юрисдикции братчики считали возможным переход через право ставропигии в прямое подчинение митрополиту Киевскому или Патриарху Константинопольскому.

В 1586 г. епископ Гедеон вступил в конфликт с Львовским Успенским братством. Братчики направили Патриарху Константинопольскому Феолиту II жалобу, обвинив Гедеона в попустительстве в отношении недостойных священнослужителей и иных прегрешениях. Епископ, в свою очередь, обвинил братчиков в нарушении его канонических прав. Гедеон чинил препятствия братству, которое намеревалось получить ставропигию и перейти в прямую юрисдикцию митрополита Киевского или Патриарха Константинопольского. Гедеон подверг преследованию клириков и мирян, связанных с братством. Следует отметить, что епископ Гедеон, несмотря на конфликт с братством, продолжал поддерживать те инициативы братчиков, которые он считал полезными для церковной жизни, прежде всего — в просветительской сфере. Так, в том же 1586 г., когда Гедеон рассорился с братчиками, он, тем не менее, оказал им помощь в деле приобретения Львовским братством типографии первопечатника диакона Ивана Федорова, заложенной им у ростовщика. В 1587 г. Гедеон (Балабан) созвал епархиальный собор, на котором было принято решение оказать содействие типографии и школе Львовского братства. Но все же, помогая братству, Гедеон одновременно стремился подчинить его своей власти и установить контроль над типографией и школой. Гедеон пытался добиться этого через светский суд, а также обращался за содействием к Патриарху Константинопольскому Иеремии II Траносу. Не преуспев ни в том, ни в другом случае, Гедеон при помощи родственников совершил нападения на типографию и школу Львовского братства [Лукашова, 2005, с. 511–513].

Патриарх Константинопольский Иеремия II, посетивший Речь Посполитую, с пониманием отнесся к позиции братств и встал на сторону Львовского братства в его

⁷ Архив ЮЗР. Ч. 1. Т. I. № 59. С. 250–252.

конфликте с епископом Гедеоном. Патриарх утвердил ставропигиальные права Львовского и Виленского братств. Он также сместил с кафедры митрополита Киевского Онисифора Девочку, обвиненного в двоеженстве, и заменил его на митрополии Михаилом (Рагозой). Также были низложены Супрасльский архимандрит Тимофей (Злоба), за которым, как оказалось, числился грех убийства, и ряд других недостойных клириков. Над епископом Гедеоном также ступились тучи. Из датированного 14 августа 1589 г. послания патриарха Иеремии II к епископату, духовенству и мирянам Киевской митрополии, в котором он извещал о поставлении епископа Луцкого и Острожского Кирилла Терлецкого своим пожизненным Патриаршим экзархом, следует, что Гедеон (Балабан) патриарху «заочне о епископе Луцком Кириле вещи неключимыя глаголал и исповедал». Патриарх Иеремия отмечал: «...С чего видехом того Гедеона завистна, зазорлива, противна тому епископу Луцкому; он же благочиние и порядок его добрый духовный затерти и превратити хотяще, клеветами заочне о нем глаголал»⁸. И хотя в нравственном отношении Кирилл Терлецкий был личностью весьма пререкаемой, факт доноительства на него со стороны Гедеона рисует последнего также в весьма невыгодном свете.

Кроме того, епископ Гедеон пытался, хотя и безуспешно, восстановить свой контроль над двумя богатыми монастырями — Уневским Успенским и львовским Онуфриевским, которые имели со времени епископа Арсения (Балабана) статус митрополичьих ставропигий. Дополнительную остроту конфликту придавало то обстоятельство, что обители находились под опекой Львовского братства. В 1590 г. игумен Онуфриевского монастыря и члены Львовского братства подали протест против епископа Гедеона за нападение на монастырь⁹.

В конфликте с епископом Гедеоном Львовское братство стало искать поддержки у митрополита Киевского Михаила (Рагозы), который не только поддержал братчиков, но и активно вмешался в жизнь Львовской епархии: митрополит благословлял инициативы братства, рукополагал братских священников и проч. 13 июня 1590 г. митрополит Михаил издал «клятвенную грамоту» мещанам г. Львова Ивану Рудьку, Сеньку Крамару, Фоме Кушнеру, Ивану Билдагаю «и иным потаковником при них будущим» из «младших» братств г. Львова: Никольского, Феодоровского и Богоявленского. Митрополит объявлял об отлучении от церкви группы львовских мещан за то, что они совместно с епископом Гедеоном чинили препятствия деятельности ставропигиального Львовского Успенского братства¹⁰. 18 января 1591 г. митрополит Михаил (Рагоза) во время приезда во Львов освятил часовню Трех Святителей при Успенском храме Львовского ставропигиального братства. Митрополит совершил для братчиков божественную литургию и дал им благословение на строительство новой братской церкви¹¹. Действия Михаила (Рагозы) свидетельствовали о его солидарности с Успенским братством во время конфликта с Гедеоном.

Наиболее решительно митрополит Михаил поддержал братчиков на состоявшемся в июне 1590 г. в Бресте церковном соборе. 20 июня 1590 г. митрополит Михаил и епископы Киевской митрополии подписали соборное деяние¹², которое утверждало монополию Львовского братства на преподавание в городе, ранее санкционированную посетившим Львов Патриархом Антиохийским Иоакимом. Эта мера была направлена против епископа Гедеона, который организовал во Львове свою собственную школу и запрещал православным львовянам отдавать своих детей на учебу в братскую школу. Рассмотрев спор между Гедеоном и Львовским братством, собор осудил епископа за попытки подчинить себе братство в

⁸ АЗР. Т. IV. № 21. С. 28–29.

⁹ Архив ЮЗР. Ч. 1. Т. X. № XXXVII. С. 65–68.

¹⁰ АЗР. Т. IV. № 24. С. 33–34.

¹¹ *Зубрицький Д.* Хроніка міста Львова. С. 200.

¹² АЗР. Т. IV. № 25. С. 34–36.

нарушение привилегий, предоставленных последнему патриархом. Данные решения собор принял, прежде всего, благодаря участию в нем представителей белого и черного духовенства, братчиков и других мирян, которым в это время покровительствовал митрополит Михаил.

Едва ли епископы могли быть удовлетворены тем, что патриарх Иеремия обязал их проводить подобные соборы ежегодно и обсуждать на них вместе с духовенством и мирянами вопрос «о школах и науках, и шпитальях» и другие злободневные темы, от которых архиереи-феодалы были весьма далеки. Недовольство епископата ситуацией, сложившейся в Киевской митрополии по итогам собора 1590 г., вылилось в создание и подписание 24 июня 1590 г. первого документа, свидетельствующего о намерении четырех архиереев заключить унию с Римом, — так называемой Декларации¹³. Документ подписали епископы: Луцкий и Острожский Кирилл (Терлецкий), Львовский и Каменец-Подольский Гедеон (Балабан), Пинский и Туровский Леонтий (Пелчицкий) и Холмский и Белзский Дионисий (Збируйский). Идея заключения унии, высказанная епископами в Декларации, рассматривалась ими как один из вариантов решения проблемы сохранения своей власти в православной церкви Речи Посполитой в условиях противостояния с братствами и активного администрирования Патриарха Константинопольского в Киевской митрополии, которое могло привести к низложению недостойных иерархов¹⁴.

Гедеон (Балабан) был в числе подписавших Декларацию, и можно предположить, что наряду с Кириллом (Терлецким) он был одним из ее инициаторов. Косвенно об этом может свидетельствовать как деятельный характер обоих епископов в целом, так и их последующая активность в направлении заключения унии, большая в сравнении с другими архиереями. Но самое главное — это то, что положение Гедеона к 1590 г. было наиболее уязвимым, если не сказать критическим. Ни у какого другого епископа не имелось тогда столь мощного раздражителя в лице ставропигиального Львовского братства. Его конфликт с братством с очевидностью перерос в конфликт с митрополитом Михаилом (Рагозой), а жесткие слова патриарха Иеремии в его адрес свидетельствовали о том, что в случае обнаружения за Гедеоном каких-либо новых предосудительных действий он становился наиболее вероятным кандидатом на лишение кафедры и архиерейского сана.

Несмотря на то что епископы — приверженцы унии составили Декларацию, в которой объявляли о своем намерении, последняя не была сразу передана королю Сигизмунду III¹⁵. Очевидно, что епископы на какое-то время отказались от своего замысла. Скорее всего, это было связано с тем, что в 1591 г. наметилось некоторое сближение прежде враждовавших сторон — высшего духовенства и братчиков-мирян, что проявилось в ходе очередного собора в Бресте в октябре 1591 г.¹⁶ Программа реформ в Киевской митрополии на сей раз, в отличие от собора 1590 г., обсуждалась архиереями уже не тайно, а совместно с представителями мирян. Епископы на этом соборе не только выступали с предложениями по укреплению внутренней дисциплины в церкви, но даже демонстрировали готовность

¹³ Опубликовано: Антиризис, или Апология против Христофора Филалета // РИБ. СПб., 1903. Т. XIX. Стб. 620–622.

¹⁴ Кирилл Терлецкий так выражал возмущение действиями патриарха Иеремии: «Же патриархове, маючи дорогу отвореную до земли Московской, для милостины великое будут там часто бывати, а и там и назад идучи, нас не минут; и, маючи привилеи так от короля Стефана яко и от теперешнего господаря, до выконыванья влады своее не всхотят пороженвати, але нами колотити; якож юж скинул одного митрополита, а иншого наставил, што з якою нечестью тому човекови есть; при том и братства установил, которые будут и уже суть гонители на владыков: хотя й чого не будет, звездут и оскаржат; а (уховай, Боже!) скинут ли которого з нас с епископии, то сам осуди, яка нечесть?» («Перестрога» // АЗР. Т. IV. № 149. С. 203–236).

¹⁵ М. В. Дмитриев полагает, что до 1592 г. о грамоте не было известно ни королю Сигизмунду III, ни католическим иерархам Речи Посполитой [Дмитриев, с. 142].

¹⁶ Грамоты Собора 1591 г. опубликованы: Жукович П. Н. Брестский собор 1591 г. (по новооткрытой грамоте, содержащей деяния его) // ИОРЯС. СПб., 1907. Т. XII. Кн. 2. С. 45–71.

отказаться от ряда собственных привилегий и поддержали инициативы братств в отношении книгопечатного дела и устроения школ. Таким образом, решения собора 1591 г. позволяли надеяться на примирение епископов и мирян, которые, проявляя терпимость друг к другу, могли, наконец, начать совместную работу по выведению Киевской митрополии из кризиса.

Одновременно на соборе 1591 г. были приняты три судебных определения по поводу конфликта между епископом Гедеоном (Балабаном) и Львовским братством. При этом во всех трех случаях дело было решено не в пользу львовского архиерея. Данное обстоятельство также создавало почву для примирения между епископатам и братствами, но одновременно создавало напряжение между Гедеоном (Балабаном) и другими епископами: львовский архиерей в сложившейся ситуации мог считать, что собратья-иерархи предали его ради нормализации отношений с братчиками. С учетом еще ранее испортившихся отношений Гедеона с митрополитом Михаилом (Рагозой) львовский епископ фактически оказывался в изоляции.

Вероятно, сближение еще недавно конфликтовавших сторон — епископата и братств — не укрылось от внимания тех католических кругов Речи Посполитой, которые были заинтересованы в заключении унии и стремились не допустить примирения православной иерархии с влиятельными мирянами. Судя по всему, именно с данным обстоятельством связана цепь событий, которые происходили в 1591 г. и выглядели как неприкрытая попытка давления на епископов. Не исключено, что, несмотря на то что Декларация 1590 г. не была предана огласке, первоначальное намерение епископов заключить унию не было тайной для ряда видных представителей польской элиты, которые, возможно, и инспирировали составление Декларации.

В начале 1591 г. резиденция Терлецкого в Луцке в отсутствие самого епископа Кирилла подверглась нападению и разграблению со стороны войскового Луцкого Ждана Боровицкого. Затем, в мае-июне того же года, против Терлецкого организовал целую череду насильственных акций староста Луцкий и кастелян Брацлавский Александр Семашко — перешедший в католичество выходец из западнорусского магнатского рода. Терлецкий не только претерпел большое унижение и понес значительный материальный ущерб по вине Семашко, но и стал объектом судебного разбирательства — староста Луцкий инициировал против него несколько дел. Семашко в мае 1591 г. также совершил разорительный набег на принадлежавший в то время епископу Гедеону (Балабану) Жидичинский монастырь. 29 мая 1591 г. Гедеон внес в гродские книги Владимира-Волынского жалобу на действия Семашко¹⁷. Сходные события произошли и в Турово-Пинской епархии, где в октябре-ноябре 1591 г. люди Литовского маршалка князя Альбрехта Радзивилла дважды нападали на имение, принадлежавшее епископу Леонтию (Пелчицкому) [Макарий (Булгаков), с. 283–284].

Создается впечатление, что эти недружелюбные действия в отношении епископов, подписавших Декларацию 1590 г., должны были вновь вернуть их к мысли о необходимости заключить унию, чтобы обезопасить себя и свои владения благодаря поддержке Рима и королевской власти. Интересно отметить, что бурная распря между Терлецким и Семашко, следствием которой стали судебные дела, инициированные обоими противниками, неожиданно завершилась их примирением уже спустя год после начала конфликта между епископом и старостой — 18 июня 1592 г.¹⁸ Обращает на себя внимание, что агрессивные действия против православных епископов имели место после возвращения весной 1591 г. из Рима в Луцк активного сторонника и организатора церковной унии с католической стороны — латинского епископа Луцкого Бернарда Мацеевского.

Таким образом, примирение между епископатам и братствами, которое могло бы способствовать выходу Киевской митрополии из кризиса, так и не состоялось. Возможно, причиной этого стало не только оказанное на архиереев давление, но и предание огласке их

¹⁷ Архив ЮЗР. Ч. 1. Т. I. № 71. С. 296–299.

¹⁸ Там же. № 79. С. 332–334.

новых недостойных деяний, которые обнаружались в ходе вышеописанных конфликтов между епископами и представителями католической знати, особенно в ходе судебных разбирательств. Следствием этого стало новое обращение членов Львовского братства к патриарху Иеремии с жалобой на архиереев, датированное 6 февраля 1592 г.¹⁹ В грамоте речь шла не только о противоканонических действиях епископа Гедеона (Балабана), но и о предосудительных обстоятельствах личной жизни епископов Пинского и Перемышльского. При этом текст грамоты с очевидностью свидетельствует о том, что членам Львовского братства в то время еще ничего не было известно о составленном епископами в 1590 г. униатском документе.

Грамота о намерении православных архиереев перейти в унию была передана королю Сигизмунду III вскоре после написания грамоты Львовского братства патриарху Иеремии. В связи с этим Б. Н. Флоря предположил, что данный шаг явился реакцией иерархов на стремление братств провести собор с целью низложения недостойных епископов [Дмитриев, Флоря, Яковенко, с. 134]. 18 марта 1592 г. король подписал грамоту, в которой объявлял, что поддерживает униатское начинание архиереев, берет их под свое покровительство и гарантирует им неприкосновенность кафедр и имений²⁰.

Таким образом, в начале 1592 г. епископы Киевской митрополии вновь вернулись к мысли об униии, а сам их замысел был предан огласке, что видно из текста еще одной грамоты Львовского братства, направленной патриарху Иеремии 7 сентября 1592 г.²¹ В ней братчики не только извещают Патриарха Константинопольского о затеваемой униии, но и видят причину возникновения униатского проекта в духовно-нравственном оскудении иерархии. Обращает на себя внимание и то, что члены братства упоминают в своей грамоте о книге иезуита Петра Скарги, с которой они, очевидно, связывали появление униатского замысла епископов.

Епископ Гедеон вновь оказался в числе организаторов униии и стал принимать активное участие в ее подготовке. В частности, в 1592 г. Гедеон (Балабан) и Кирилл (Терлецкий) с помощью митрополита Тырновского грека Дионисия Ралли-Палеолога изготовили две подложные грамоты якобы от имени Патриарха Константинопольского. В грамотах осуждалась деятельность Львовского Успенского братства и митрополита Михаила (Рагозы), который обвинялся в том, что он вмешивался в дела Львовской епархии, разрешал служить второбрачным священникам. Он отрешался от управления митрополией, а Гедеон (Балабан), Кирилл (Терлецкий) и епископ Владимирский Мелетий (Хребтович-Богуринский) должны были «испытати» обвинения, выдвинутые против митрополита [Дмитриев, Флоря, Яковенко, с. 135; Дмитриев, с. 144]. Скорее всего, данная акция была предпринята по инициативе Гедеона, который продолжал находиться с митрополитом и братчиками в крайне напряженных отношениях. Поскольку Михаил (Рагоза) в 1592 г. в отличие от Балабана и Терлецкого еще не принадлежал к числу приверженцев униии, его устранение с митрополичьей кафедры, очевидно, должно было привести к поставлению на митрополию сторонника униии. Показательно, что решение о «виновности» Рагозы в данном случае должны были принимать наиболее решительные и последовательные на тот момент сторонники униии — Гедеон (Балабан) и Кирилл (Терлецкий)²².

В это же время достигает своей кульминации конфликт между Гедеоном (Балабаном) и Львовским братством, поддерживаемым митрополитом Михаилом (Рагозой). На состоявшийся в 1593 г. в Бресте очередной собор Киевской митрополии вызванный на него епископ Гедеон, ранее отстраненный митрополитом Михаилом от управления епархией и не пожелавший подчиниться этому решению, не явился и был за это соборно отлучен от церкви.

¹⁹ АЗР. Т. IV. № 33. С. 42–47.

²⁰ Текст см. стб. 1133–1137: Апокрисис // РИБ. СПб., 1882 (Памятники полемической литературы в Западной Руси. Т. 2). Т. VII. Стб. 1003–1820.

²¹ АЗР. Т. IV. № 33. С. 42–47.

²² Упоминание в тексте подложной грамоты Мелетия Хребтовича было, по сути, формальностью: этот престарелый архиерей находился на пороге кончины, которая последовала вскоре, 13 января 1593 г.

Перелом в отношении Гедеона (Балабана) к унии, очевидно, наступил в связи с тем, что в стан сторонников унии в конечном счете перешел митрополит Михаил (Рагоза). На позицию митрополита во многом повлияли события на соборе, состоявшемся в Бресте в июне 1594 г. Собор был проведен без санкции отсутствовавшего в стране короля, поэтому на него не прибыло большинство иерархов²³, за исключением Михаила (Рагозы), Ипатия (Потей) и Кирилла (Терлецкого)²⁴, причем последний покинул собор до окончания его работы и не поставил своей подписи под его решениями. На соборе Виленским Свято-Троицким братством, в числе членов которого были крупнейшие православные магнаты Речи Посполитой, была представлена и стала предметом обсуждения инструкция²⁵, которая закрепляла и расширяла автономию православных братств, требовала прекратить бесконтрольное расходование епископами церковных доходов на личные цели и перенаправить их на содержание клира, монашествующих и церковных учреждений: школ, типографий, больниц. Михаил (Рагоза) пытался достичь компромисса с братчиками и с этой целью объявил лишенным сана Гедеона (Балабана). Тем не менее требования братчиков были практически полностью отвергнуты, что привело митрополита к острому конфликту с братствами. Для Рагозы, вероятно, именно итоги собора 1594 г. стали фактором, радикально повлиявшим на его присоединение к числу сторонников унии.

Как и следовало ожидать, Гедеон не признал законности решения о своем извержении из сана. 9 и 11 июля 1594 г. через своего поверенного Иеремию Бориславского епископ Львовский внес два протеста в Брестский старостинский суд по поводу своего и игумена Уневского монастыря Феодосия (Терлецкого) осуждения на соборе 1594 г.²⁶ В ответ на эти действия 28 сентября 1594 г. митрополит Михаил (Рагоза) направил письмо коронному гетману и канцлеру Яну Замойскому с извещением о соборном низложении Гедеона. Митрополит просил Замойского ходатайствовать перед королем Сигизмундом III о том, чтобы решение о лишении сана епископа Гедеона не было отменено монархом²⁷. Таким образом, конфликт между епископом Гедеоном и митрополитом Михаилом достиг максимума.

Митрополит Михаил окончательно склонился в пользу унии к концу 1594 г. О намерении митрополита заключить унию определенно свидетельствует так называемое «Злецење»²⁸ — документ, данный в декабре 1594 г. Михаилом (Рагозой) Терлецкому при отправке его к Яну Замойскому для переговоров об унии. Митрополит, тем не менее, еще долгое время держал в тайне свой переход в стан приверженцев унии, проявляя колебания и осторожничая. Так, например, он не подписал Наказ православных епископов Речи Посполитой своему представителю для ведения с Замойским переговоров об унии²⁹, предпочтя тайком дать Терлецкому свои личные инструкции на этот счет.

Итак, к концу 1594 г. сложилась совершенно новая ситуация, на которую Гедеон (Балабан) должен был как-то реагировать в поисках выхода из создавшегося положения. Поскольку к числу сторонников унии примкнул Михаил (Рагоза), ранее уже дважды объявивший об извержении Гедеона из сана, львовский епископ не мог находиться в одном сообществе с митрополитом,

²³ Епископы, склонившиеся к принятию унии с Римом: Львовский Гедеон (Балабан), Луцкий Кирилл (Терлецкий), Перемышльский Михаил (Копыстенский) и Холмский Дионисий (Збируйский), провели отдельную встречу в местечке Сокаль в Галиции, где вновь высказались за переход в унию с Римом. В ходе встречи были выработаны так называемые «Сокальские артикулы» — предварительные условия, на которых епископы Киевской митрополии соглашались заключить унию с Римом.

²⁴ Только к этим иерархам обращается в своей речи на соборе представитель Гедеона (Балабана) (см.: АЗР. Т. IV. № 50. С. 71–75).

²⁵ Архив ЮЗР. Ч. 1. Т. X. № 203. С. 497–499.

²⁶ АЗР. Т. IV. № 50. С. 71–75.

²⁷ Там же. № 51. С. 75–76.

²⁸ Там же. № 54. С. 78–79.

²⁹ Там же. № 55. С. 79–81.

ставшим, таким образом, для него гораздо более серьезным врагом, чем львовские братчики. Михаил и Гедеон никак не могли быть вместе после того, что произошло. Причем дело было не только и не столько во взаимной личной неприязни, но касалось, прежде всего, канонического аспекта. Львовский архиерей, хотя и не признавал законности решения о лишении его сана, не мог пребывать в одном церковном сообществе с митрополитом, который это решение принял. Это касалось и потенциальной униатской церкви. Надежд на то, что устроители унии предпочтут Гедеона Михаилу, не было: участие митрополита в договоренности об унии для них было намного важнее наличия в их рядах львовского епископа. По сути, принимая в свои ряды Михаила (Рагозу), инициаторы унии вновь пожертвовали судьбой Гедеона (Балабана), что в конечном счете и определило его отход от круга проуниатски настроенных епископов. Именно переход митрополита Михаила (Рагозы) на сторону устроителей унии, по сути, автоматически выводил из их рядов Гедеона (Балабана) и побуждал последнего искать новых союзников в лице влиятельных мирян, ставших теперь противниками Рагозы.

Если прежде наиболее радикальными организаторами унии выступали Гедеон (Балабан) и Кирилл (Терлецкий), то к концу 1594 г. мы видим, что место Гедеона в этом тандеме занимает епископ Владимиро-Волынский Ипатий (Потей). Терлецкий и Потей становятся в дальнейшем бесспорными лидерами в деле реализации униатского проекта. Одной из первых вех на этом пути стало участие Потей и Терлецкого в Торчинском совещании с римско-католическим епископом Луцким Бернардом Мацевским 2–4 декабря 1594 г. и составлении новой Декларации о намерении заключить унию с Римом³⁰. М. В. Дмитриев обратил внимание на то, что ни под одним из вариантов ее текста нет подписей Гедеона (Балабана) и Михаила (Копыстенского) — архиереев, которые в середине 1595 г. официально объявили об отказе участвовать в заключении унии [Дмитриев, с. 159–163]. Исходя из того, что Торчинскую Декларацию епископы Гедеон и Михаил не подписали, можно предположить, что львовский и перемышльский архиереи отошли от участия в подготовке унии значительно ранее, чем объявили об этом.

В пользу такого мнения может свидетельствовать и Декларация, принятая 28 января 1595 г. на соборе, который проходил во Львове по инициативе Гедеона (Балабана). В ней также шла речь о готовности заключить соглашение с Римом³¹. Однако обращает на себя внимание тот факт, что большинство из подписавших ее 24 представителей православного духовенства Западной Руси после 1596 г. проявили себя как решительные противники Брестской унии. В частности, это касается самого епископа Львовского Гедеона и архимандрита Киево-Печерского монастыря Никифора Тура, а также представителей греческого епископата и монашествующих, которые вскоре приняли участие в «альтернативном» православном соборе в Бресте в 1596 г.: митрополита Белградского Луки, епископа Викрасского Паисия и игумена афонского монастыря Симона-Петра Афанасия.

М. В. Дмитриев объяснял факт появления Львовской декларации тем, что имело место «известное соперничество в деле осуществления унии между львовским епископом и другими руководителями православной церкви». По мнению исследователя, «Балабан пытался играть в событиях этого времени самостоятельную роль и, видимо, своим путем двигаться к унии», а «среди побудительных мотивов к этому огромное значение имело, наверное, желание высвободиться из-под власти отлучившего его от церкви Рагозы» [Дмитриев, с. 167].

Тем не менее представляется, что во Львовском соборе 1595 г. нельзя видеть лишь поиск альтернативного проекта унии, благодаря которому епископ Гедеон мог «играть самостоятельную роль и своим путем двигаться к унии». Наличие среди его участников настоятелей Дубенского и Дерманского монастырей, расположенных во владениях князя К. К. Острожского и целиком от него зависимых, позволяет предполагать, что соборная инициатива Гедеона (Балабана) была

³⁰ Там же. № 53. С. 77–78.

³¹ Там же. № 58. С. 84–85.

согласована с князем. В то же время известно, что Острожский первоначально также высказывал убеждение в возможности заключения унии, о чем он писал 21 июня 1593 г. Ипатию (Потею)³². Но совершенно очевидно, что князь подразумевал под унией совсем не то, что задумали епископы Киевской митрополии. Острожский видел в унии процесс достижения подлинного церковного единства, а не подчинения Киевской митрополии власти Папы Римского. Князь подходил к решению этой проблемы с позиции, которая в гораздо большей степени соответствовала православному пониманию экклезиологии: не соглашение епископов, затеваемое втайне от народа церковного, но гласное соборное обсуждение этого вопроса с участием всех восточных патриархов и православных церквей Московской Руси и Молдо-Валахии. Князь предлагал Ипатию (Потею) направиться для переговоров в Москву, а Гедеона (Балабана) послать с аналогичной миссией в Валахию. Итогом обсуждения должна была стать не простая смена юрисдикции с константинопольской на римскую, но фактически воссоздание положения, существовавшего в церкви до раскола 1054 г.

Таким образом, можно предположить, что Львовский собор 1595 г. был не попыткой возглавляемой Гедеоном (Балабаном) группы духовенства перехватить у епископов инициативу в деле устройства унии, но имел целью положить в основание унии совершенно иные принципы, радикально отличающиеся от позиции архиереев Киевской митрополии. Правда, следует отметить, что, согласно мнению С. С. Лукашовой, Львовского собора 1595 г. вообще не было в реальности, а его декларация — не более, чем фальшивка, изготовленная организаторами Брестской унии с целью ее апологии и дискредитации ее противников [Лукашова, 2001, с. 12–19].

Но как бы то ни было, 9 июня 1595 г. Гедеон (Балабан) сделал свой окончательный выбор в вопросе об отношении к унии: в присутствии князя К. К. Острожского он примирился с Львовским братством и дал письменное обязательство действовать против унии. 1 июля 1595 г. во Владимир-Вольнском городском суде вновь в присутствии князя Гедеон заявил, что не имел отношения к переговорам об унии. 6 июля 1595 г. Острожский направил послание членам Львовского Успенского ставропигиального братства, в котором призвал братчиков окончательно примириться с епископом Львовским, полностью порвавшим с приверженцами унии³³.

Литература

Дмитриев М. В., Флоря Б. Н., Яковенко С. Г. Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI — начале XVII в. Часть I. Брестская уния 1596 г. Исторические причины события. М., 1996.

Дмитриев М. В. Между Римом и Царьградом: генезис Брестской церковной унии 1595–1596 гг. М., 2003.

Лукашова С. С. «Мы, ниже подписанные...» — Львовский синод 1595 г. в истории Брестской унии // Славянский альманах за 2000 г. М., 2001. С. 12–19.

Лукашова С. С. Гедеон (Балабан) // ПЭ. М., 2005. Т. X. С. 511–513.

Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 5.

³² Там же. № 45. С. 63–66.

³³ Там же. № 72. С. 104.

